

ПОЛИТИКА

Л.А.Фадеева

ВАЖНАЯ ВЕХА

Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / Под редакцией С.В.Патрушева. — М.: ИСП РАН, 2006. — 590 с.

Представляется уместным предварить рецензию, написанную для журнала «Полития», упоминанием того, что рассматриваемая коллективная монография начинается с посвящения Алексею Михайловичу Салмину. «Светлой памяти лучшего из нас», — говорится в нем. Тем самым авторы не только отдают дань памяти выдающемуся ученому, но и включают его в ряды тех, кто внес существенный вклад в развитие институциональной политологии, имея в виду не формальную приверженность той или иной школе институционализма, но глубокий научный интерес, отразившийся в его исследованиях, к сфере институциональных изменений¹. На мой взгляд, такая позиция авторов (и редактора) прослеживается и в общем замысле книги, и в его реализации. Сам замысел ее редактор определяет так: «Понять и показать специфику использования неинституциональной методологии для анализа процессов политической трансформации России» (с. 5).

Разумеется, существенное место в книге уделено институциональной политологии, развитию институциональной парадигмы политологических исследований, которая переживает, по словам С.В.Патрушева, мировой ренессанс. Приводя основательный обзор основных версий институционализма и его судьбы в российской политической науке, С.В.Патрушев находит достаточно подтверждений тому, что отечественная политология осваивает теоретико-методологический инструментальный институционального анализа, переходя от слепого заимствования и простого копирования схем и понятийного аппарата к творческому развитию неинституционального инструментария.

Коллективная монография отнюдь не монолитна. Она включает в себя как части, посвященные анализу понятий, концепций, подходов институционализма, его трансформаций, так и тексты разных лет и разных авторов, в которых институты выступают в качестве объекта. При этом различается и отношение авторов к институционализму — от приверженности его методологическим принципам до следования иным, прежде всего политико-культурным концептам.

Однако в результате такого, нередко причудливого, соединения читатель имеет шанс оценить развитие институциональной политологии с ее проблемами, возможностями, пределами, с ее вариативностью. В течение ряда лет (первая половина 1990-х) российские политологи представляли неинституционализм преимущественно в русле теорий

¹ Об этой содержательной связи свидетельствуют и публикации в журнале по инициативе А.М.Салмина важных разделов рецензируемой книги (Хлопин А.Д. Гражданское общество или социум клик: российская дилемма. // Полития. — М., 1997, № 1 (3); Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Кертман Г.Л., Мишезерская Л.Я., Павлова Т.В., Хлопин А.Д. Власть и народ в России: повседневные практики и проблема универсализации институционального порядка // Полития, 2003, № 2).

рационального выбора. Этот подход в отечественной политической науке представлен, в частности, работами В.Я.Гельмана и Г.Г.Голосова. Такая приверженность институционализму рационального выбора нередко вызвала отторжение у тех, кто, подобно Г.Алмонду, склонен придерживаться следующей точки зрения: «Разумеется, рациональные интересы социальных классов, религиозных и этнических групп – мощный двигатель политических движений и конфликтов. Однако патриотизм, приверженность своей общине, религиозные ценности, наконец, просто привычки и традиции, очевидно, невозможно исключить из числа факторов, объясняющих политическую структуру и легитимность».

В рецензируемой коллективной монографии представлен аналитический инструментарий современного институционализма во всем его разнообразии. С.В.Патрушев описывает и даже схематически изображает отличительные особенности институционального подхода в сравнении с другими парадигмами. Он буквально раскладывает по полочкам типы «новых институционалистов», исходя из различий в их понимании интересов, акторов, политического процесса, власти и институционального механизма. По его мнению, разные версии институционализма «равно значимы для политической науки» (с. 36).

А вот позиция П.В.Панова выглядит содержательно отличной от этого тезиса. Анализируя потенциал и пределы возможностей институционализма применительно к такому его направлению, как институционализм рационального выбора, П.В.Панов существенное место уделяет именно пределам возможностей, попыткам институционалистов раздвинуть эти пределы, решить методологические проблемы, дать анализ таких феноменов, как масштабные институциональные трансформации, сетевые взаимодействия и политическое сообщество как целое. Он выводит из этих, далеко не во всем успешных, попыток становление новой версии институционализма – социетального неинституционализма. П.В.Панов называет концепцию политических сетей «весьма многообещающей» (с. 79). Таковой она и представлена в его интерпретации.

Размышления о вариантах и версиях развития «институционализм» выводят автора на постановку вопроса, который, по его словам, обходят вниманием «политические исследователи, работающие в рамках институциональной методологии». Это вопрос о специфике политических институтов (с. 80). При концептуализации понятия «политический институт» П.В.Панов предлагает исходить из того, «что политика представляет собой коллективное действие, по своему субъективному смыслу ориентированное на производство публичного блага» (с. 82). Он осознает уязвимость подобного определения, требующего уточнения понятия публичного блага, поиска грани между коллективным и неколлективным действием, представлений о политическом сообществе.

В рамках монографии подобные поиски проводятся, однако преимущественно в плане проработке эмпирики, позволяющей описывать и определять перипетии политической трансформации России на современном этапе.

Достаточно необычна структура книги: после методологических изысканий в области понятий и теоретических концептов институционализма авторы погружают читателя сначала в концепции цикла исследовательских проектов, реализованных ими в период 1995–2005 гг., а затем в анализ институциональных трансформаций, изменения повседневных практик, эволюции политической культуры и легитимации нового институционального порядка. Читатель подвергается новому испытанию – гетерогенностью текстов и подходов. Особенно запутывает дело то, что в книге не указаны годы написания отдельных материалов. Правда, редактор уже на первой странице предупредил читателя, что в монографии содержатся тексты разных лет. Своеобразным «индексом», облегчающим поиск, является третья часть первого раздела, в которой прописаны названия проектов, годы их реализации и фамилии участников. Опираясь на данную информацию, можно понять логику появления текстов и выстроить их хронологическую последовательность. В противном случае может удивлять то, почему некоторые ключевые тенденции современной ситуации характеризуются на основе событий, процессов и эмпирической базы десятилетней давности.

Само по себе включение в монографию разновременных текстов дает возможность проследить тенденции в анализе политических трансформаций в российской политической науке. В результате становится очевидным наличие значительного аналитического потенциала отечественной политологии в изучении институтов, институциональной динамики. Тексты С.Г.Айвазовой, Е.А.Гвоздевой, Г.Л.Кертмана, Л.Я.Машезерской, Т.В.Павловой, С.В.Патрушева, А.Д.Хлопина, выполненные в рамках разных исследовательских проектов, позволяют выявить основные линии анализа, пункты противоречий, направления поисков, уточнения авторских гипотез. Это касается как характеристики социетальных и институциональных перемен в поведении коллективных акторов (партий, профсоюзов, свободных ассоциаций), так и политико-культурных сдвигов.

Основой интерпретации и обобщения большей части обильного социологического материала, представленного в книге, является оригинальная концепция кликовой организации российского социума, разработанная А.Д.Хлопиным. По его мнению, «кликковый» принцип, господствующий в российской повседневности, блокирует становление гражданского общества (с. 313) и определяет специфику процессов политической институционализации.

Исследователи фиксируют происходящие в обществе перемены, например, переход от проблем выживания, доминировавших в профсоюзном движении в середине 1990-х (С.В.Патрушев, с. 217) к активизации, политизации, позиционированию и становлению сетевых структур новых социальных движений (К.Клеман, с. 261).

Особое внимание уделяется трансформациям политической культуры. В середине 1990-х годов она рассматривалась авторами преимущественно в плане готовности российского общества к демократии,

вследствие чего исследователи стремились дифференцировать политическую культуру по разным параметрам. Так, Т.В.Павлова выделяла три субкультуры: национал-консервативную, коммунистическую и демократическую (с. 277). Последняя, по ее словам, находится в процессе становления. Г.Л.Кертман предложил двухмерную модель дифференциации (с. 266–267), положив в ее основание два критерия: отношение к порядку и свободе; ориентацию на общество или индивида. В результате получилось четыре группы: «консервативные индивидуалисты», «консервативные коллективисты», «либеральные индивидуалисты» и «либеральные коллективисты». Предпосылки демократической реинтеграции он связал с последними, но грустно заметил, что даже в авангардной выборке их всего 12% (с. 276).

И все же автор не стала бы включать этих авторов в число тех, кто пытался списать все проблемы и погрешности российской демократии на политическую культуру. В тексте Т.В.Павловой начала 2000-х гг. говорится, что «демократические ценности и демократические институты остаются «фасадными» (с. 530), а универсализация существующего социального и политического порядка происходит на основе «негативного консенсуса» (с. 531). Предложивший данный термин Г.Л.Кертман делает вывод, что отечественная политическая культура «одомашнивает» чужеродные для нее политические институты и сама подвергается трансформации (с. 447). В целом анализ политической культуры позволяет исследователям объяснить, почему ей удается «избегать как лобовой конфронтации с институциональными устоями политической системы и государственности, так и форсированной модернизации» (с. 447).

Важно то, что политико-культурная эволюция рассматривается авторами коллективной монографии не только применительно к собственно политическим институтам и практикам. Так, С.Г.Айвазова анализирует те перемены, которые переживает на протяжении последних десятилетий российская семья. Она фиксирует акцентуацию ценностей и норм демократического типа во внутрисемейных отношениях (с. 478). Л.Я.Машезерская и Е.А.Гвоздева описывают институциональную эволюцию предпринимательских и трудовых отношений, формирование зачатков рыночного мышления, что пока не устраняет «легкость отступления от норм» (с. 502).

В итоге читателя побуждают согласиться с тем выводом, что «консолидации демократии в России препятствует дефицит самоорганизации и человеческой солидарности как сферы бытования гражданского общества, неразвитость политического общества как области институционализированного контроля над государственной властью, неэффективность государственного аппарата и недостаток законопавия как основы конституционализма и современной правовой культуры» (с. 532). Но и эта констатация не является статичной. Проводя различие между «коллективистами», «эгоистами», «индивидуалистами» и «гражданами» как носителями разных вариантов институционального порядка,

разных тенденций развития, С.В.Патрушев оставляет открытым вопрос о перспективах российской политической трансформации.

В монографии много говорится о доверии, общественности, социальном капитале, которых так недостает российскому обществу. Применительно к политологическому сообществу на примере данной книги можно увидеть, какой мощный кумулятивный эффект имеет взаимодействие исследователей в рамках совместных проектов. Нельзя не выразить сожаления по тому поводу, что результаты других исследовательских проектов не столь часто попадают в поле зрения авторов монографии. Так, ни в библиографическом списке, ни в тексте, ни в ссылках нет упоминания об исследованиях, проводимых Е.Б.Шестопал и ее коллегами, никакого соотнесения результатов, оценок, заключений в том, что касается восприятия власти, трансформации идентичностей etc. Остается объяснить подобную ситуацию различием теоретико-методологических подходов.

Коллективный труд всегда требует неизмеримо больших усилий, чем авторская книга. Однако и результат бывает масштабнее. Монография «Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России» может быть оценена, на мой взгляд, не только как серьезная аналитическая работа по институциональной политологии, но и как важная веха в институционализации самой российской политической науки.